

УДК 159.9; 911

М.Ф. Ершов

Историко-психологические аспекты биографии К.Д. Носилова

Аннотация. В статье рассмотрены биографические сведения о К.Д. Носилове (1858–1923 гг.). На основании его художественных произведений, как историко-этнографических источников, осуществлен анализ жизненного пути писателя. Будучи выходцем из среды сельских священников Шадринского уезда, Константин Дмитриевич стал известным путешественником, географом, исследователем традиционной культуры коренных народов Севера. В мотивах его поведения и ценностных установок значимую роль играли мир природы, мир детства, естественная жизнь вне цивилизации в природных условиях. Сделан вывод, что взгляды писателя представляют собой оригинальную целостную систему, в основе которой лежит религиозное мировоззрение.

Ключевые слова: аборигены, биография, детство, животные, история, пантеизм, природа, путешествие.

M.F. Ershov

Historical-psychological aspects of biography by K.D. Nosilov

Abstract. In the article analyzes biographical data by K.D. Nosilov (1858–1923). On based his artistic works, as a historical and ethnographic sources, carried out an analysis way of life of the writer. He was being a native from the rural priests Shadrinsky County, Konstantin Dmitrievich was a famous explorer, geographer, and the researcher of traditional culture of indigenous peoples of the North. In the motives his artistic works and values main role are nature, world of childhood, native live without civilization in the native conditions. It is concluded that the views of the writer are original, complete system, which is based on a religious worldview.

Keywords: aboriginal, biography, childhood, animals, history, pantheism, nature, travel.

«Он никогда не замахивался на крупные жанры, писательское дыхание его было коротким. Это не недостаток: из его сюжетов можно накроить немало повестей и романов, но он придерживался своего принципа. Писал только о том, что хорошо знал. Возможно богиня фантазии не часто парила в его писательском кабинете, но ведь то, что он видел за многотрудную жизнь, для многих было поистине фантастично. Если читать все книги подряд, скоро начинаешь узнавать героев – они связаны и местом действия, и временем. Если задаться целью, можно проследить, как один рассказ как бы «вытекает» из сюжета другого. Сдается, наш автор молился одному богу – достоверности» [1, 135-136].

Эти чеканные строки тюменского публициста А.К. Омельчука из его книги «К. Носилов» для историка многое рас-

ставляют по своим местам. Нет сомнения, что правдивое литературное произведение, не обремененное авторской фантазией, будет, как никакой иной художественный текст, обладать ценностью исторического источника. Но признание этого обстоятельства не только не отменяет критики данного источника, но и, напротив, предполагает подключение особо тонких исследовательских практик. Причина их использования в общем-то проста. У историка, который изучает тексты К.Д. Носилова, отсутствует возможность применять наработки, пригодные для массовых источников.

Между тем, исследование взаимоотношений К.Д. Носилова с аборигенами Сибири представляется достаточно актуальным. Известно, что материалы из работ зауральского путешественника широко ис-

пользуются как историко-этнографические источники. Специалисты, при дефиците информации о носителях традиционной культуры, достаточно часто обращаются к произведениям К.Д. Носилова. Вполне допустимое критичное отношение к автору многочисленных публикаций (ненаучный подход, предвзятость, излишняя легковесность, беллетристика), все же, грешит некой ущербностью. При таком подходе личность самого Носилова по сути остается за пределами внимания специалистов, за рамками исследовательского интереса.

В советское время большая часть литературного наследия писателя была не востребована. В его произведениях слишком сильна была религиозная составляющая, неприемлемая для строителей нового мира. Переиздавались только отдельные рассказы о детях аборигенов. Соответственно, отсутствовало системное изучение творчества К.Д. Носилова. На сегодняшний день нет полной библиографии трудов писателя, рассыпанных по сотням старых и современных изданий, не проведено полноценное выявление архивных материалов о его жизни. Так в частности, в Государственном архиве города Шадринска достаточно «тощій» личный фонд исследователя в основном состоит из фотокопий, опубликованных им некогда работ [2].

Историография работ о Носиллове также достаточно короткая. Всего несколько авторов написали очерковые научно-популярные работы о личности этого незаурядного человека. Среди них допустимо выделить имена К.Н. Донских [3], В.П. Бирюкова [4, 445-460], Н.В. Вехова [5], А.К. Омельчука [1], Л.П. Осинцева [6] и Ю.Д. Охупкина [7]. Почти все эти историко-краеведческие труды были созданы в советское время с вполне определенной целью: они призваны возвеличить знаменитого земляка. Естественно, что неудобные вопросы в них либо замалчивались, либо сглаживались. Единственным исключением является вышеупомянутая работа А.К. Омельчука. В этой публицистической книге присутствует немало интересных

размышлений, хотя поданных со строго официальных советских позиций.

Какие источниковедческие вопросы допустимо поставить при анализе текстов литературных произведений К.Д. Носилова? Важнейшим среди них будет вопрос об мировоззрении самого исследователя и его истоках. Как он воспринимал окружающий его мир и каким образом моделировал его в своем литературном творчестве? Каковы были причины, побудившие К.Д. Носилова заняться описаниями природного мира и людей традиционной культуры? Чем была порождена его мотивация к путешествиям? Что толкало известного исследователя провести значительную часть своей жизни вдали от привычного комфорта?

Разрешение данных проблем немислимо без понимания воздействия социального окружения на личность писателя. Кто же он такой Константин Дмитриевич Носилов? Различные справочники сообщают о нем как о полярном исследователе, путешественнике, этнографе, журналисте. Родился он в 1858 г. в семье священника с. Маслянского Шадринского уезда, умер в 1923 г. в местечке Пиленково в Абхазии. Между этими крайними датами лежит незаурядная жизнь, наполненная множеством событий, путешествий, сотнями публикаций. В России начала XX в. имя К.Д. Носилова было хорошо известно благодаря его литературному таланту и сотрудничеству с замечательными русскими педагогами и книгоиздателями Д.И. и Е.Н. Тихомировыми. Книги Носилова выходили массовыми тиражами в сериях «Юная Россия», «Библиотека детского чтения», «Библиотека семьи и школы», «Учительская библиотека». Произведения К.Д. Носилова были неоднократно официально рекомендованы для изучения школьниками младших классов и воспитанниками кадетских училищ.

Причина столь большой популярности зауральского автора кроется в талантливой поэтизации природы, понимании сокровенного мира детства, и значимости духовных ценностей в жизни каждого че-

ловека. Истоки его творчества в какой-то мере обнаруживаются в той сельской действительности, которая окружала будущего писателя в детские годы. Шадринский уезд был своеобразной стыковой территорией на которой происходили контакты различных культур. Здесь встречались лес и степь, Азия и Европа (административно Шадринский зауральский уезд относился к европейской Пермской губернии), люди неодинакового социального положения, разной этнической и конфессиональной принадлежности.

В уникальном положении находилась и семья самого Носилова. Стоит ли говорить, что священник и его близкие на селе всегда оказывались в центре внимания? А если, к тому же священник был достаточно образован, сравнительно богат и проживал в той местности, где присутствовало не только официальное православие, но и оппозиционное старообрядчество? Не здесь ли кроется одна из причин определенного отчуждения Носилова от социальной действительности и подспудное стремление к одиночеству?

Впрочем, сам Носилов в рассказе «Мое первое путешествие (Из воспоминаний детства)» объяснил происхождение своих пристрастий более конкретно. У него одними из наиболее ярких детских впечатлений были встречи с бродягами. Как известно, Шадринский уезд лежал на столбовой дороге из Сибири в Европейскую часть России. Соответственно, местные жители летом на дорогах, бывало, встречали бродяг (многие из этих несчастных возвращались домой, «в Расею», сбежав с каторги или поселения). Интересно, что в местностях, где присутствовал беглый элемент, действовало неписанное правило: стороны относились достаточно благожелательно к друг другу. Дело доходило до того, что попадая, мать будущего писателя, могла и подвезти бродяг до города в своей конной тележке.

Ореол загадочности тех, кто путешествует, привел к тому, что на вопросы взрослых о будущей профессии малолетние

братья Носиловы ответили по-разному. Старший из поповичей – Гино – заявил о желании быть архиереем, а вот младший, Константин, к неудовольствию родителей, решил стать странником! Сказано – сделано, ведь всякое неожиданное слово хорошо запоминается. И особенно – в детском возрасте. И действительно, малолетнему пытливому мальчишке были интересны походы, вплоть до того, что он однажды по собственной инициативе дошел до расположенной в нескольких верстах от родного села знаменитой и многолюдной Крестовской ярмарки, одной из крупнейших в России [8, 100-113].

Следует учесть и иные, схожие обстоятельства. Для христианской культуры юродивые, странники, нищая братия были неотъемлемой частью повседневной религиозной жизни. Так, например, в рассказе «Маленький Христос» Василий Симоновский, дедушка Константина, частенько радушно принимает у себя в доме, в селе Ичкинском, «странных людей»: монахов, странников, прохожих, старцев [9, 25-39]. Заметим, что в те, уже далекие ныне времена, при отсутствии хороших транспортных сообщений, родители, занятые хозяйством или службой, нередко отправляли детей в практически самостоятельное путешествие: погостить у дальних родственников или на учебу в уездный или губернский город. Хорошо еще, если юных путешественников в их многодневной дороге вез знакомый попутный ямщик или крестьянин, занятый извозом. Такое путешествие детей описано в рассказе «Возвращение со святок». Автор рассказа П. Инфантьев приходился родственником К. Носилу [10, 121-149].

Детям в традиционном обществе вообще предоставлялась большая самостоятельность. Малоходные сбор ягод, грибов, рыбалка с удочкой считались несерьезными, во многом детскими занятиями. В деревенском мире занимались рыбным или охотничьим промыслом, и это великолепно показано в автобиографических рассказах Носилова, люди не от мира сего: чудачки,

одиночки, оригиналы. И напротив, такая мелочная подсобная работа для детей была хорошим средством социализации. В рассказе «За саранками» [7, 46-62] писатель передает собственные малолетние эмоции: возьмут ли его старшие дети в лес, искать съедобные луковичи диких лилий?

Сельский социум умел создавать для начинающего промысловика положительно окрашенную мотивацию. В рассказе «Горе-рыболов» приводится традиционное приветствие рыбакам: «Клев на уду!» Отвечать полагалось: «Спасибо!». Однако, стоило мальчишке только один раз оказаться в смешном положении, как интерес к рыболовству у Константина пропал [11, 9-12]. Возможно здесь проявилось и отсутствие близкой дружбы со своими деревенскими сверстниками. Во всяком случае, в автобиографических рассказах её особо не отмечено. Еще раз стоит обратить внимание, что семьи духовенства в деревне были на особом положении. По мере взросления юного Константина, его начала привлекать охота, которая, еще более чем рыбалка, была удалена от человеческого жилья.

Но и профессиональным промысловым охотником Носилов не стал. Помешали те ценностные установки, которые ненавязчиво были переданы мальчику окружающими его людьми. Это уже упомянутый священник В. Симоновский, который держал у себя дома журавлей, но был против поимки лягушек им на корм. «Он учил нас любить и журавлей, и лягушек, говоря, что и лягушки хотят жить, как и журавли, и что для того, чтобы журавли были счастливыми, достаточно для них и одного гороха» – сообщалось в рассказе «Дедушкины журавли» [12, 40]. Это и тонкий ценитель природы, страстный охотник из деревни Погореловки (её подлинный географический прототип – Погорелка), описанный в рассказе «Дядя-кузнец». Он устроил для деревенских ребятишек у себя дома настоящий зоологический музей [12, 45-63].

Бережная охота, по их мнению, не предполагала истребления животных исключительно для собственного удовольствия.

Детские впечатления привели к тому, что К.Д. Носилов в последующем отрицательно относился к хищному разрушительному поведению человека в животном мире. В рассказе «Птичий остров» писатель демонстрирует варварское разорение самоедами гнездовой при добыче яиц. «Я, обыкновенно, всегда убегал от этого тяжелого зрелища. Мне стыдно было за человека, за его кровожадность, за его безрасчетность, наконец... Нужно человеку чем-нибудь прокормить себя, – возьми от природы сколько требуется тебе, – возьми расчетливо, без озорства. Нет, – человек давит птицу руками и ногами, бьет её об скалу, топчет гнезда и яйца, словно обезумевши среди этого отчаянного птичьего крика и потоков крови, которая льется по скалам» [13, 87].

Еще один рассказ «В Киргизской степи» посвящен эволюции поведения переселенцев из Украины в казахских степях. Вначале идет романтическое описание жизни на заимке в первые годы колонизации, когда у рассказчика «взрослые сыновья и даже дочери превратились как бы в дикарей и дикарок» [14, 65]. Все новоприбывшие с увлечением занялись охотой. Первые восторги затем сменяются сухими негативными оценками: «Природа уступила свое место промышленности, и человек уже не охотился, а вел животноводство, не наслаждался природой, а выжимал из нее копейку. Девушки не скакали лихо на степной дикой лошади, а сидели у окошек нарядные и скучные, а молодые люди не пропадали на охотничьем промысле, забросив даже ружья, а ходили с гармониями и пьяным разгулом» [14, 73-74]. В рассказе приводится предупреждение главного персонажа, переселенца-деда молодым охотникам: «выбьете дичь, перепугаете больше её, и она оставит эти места, благословленные Богом, предназначенные для человека» [14, 65-66].

Писатель показывает, что пренебрежение к природе меняет и самого человека: «Это была новая Россия. Даже изменился резко самый язык, наречие. Хохол выродился в какого-то жадного и не особенно приветливого сибиряка». Старший сын главного героя

Никеша завел маслодельное предприятие, лавку, городскую обстановку, давал деньги в рост. Для его верующего отца всё это было нравственно неприемлемо:

– Вон кто работает на пашне у моего Никеша – киргизцы, рабы! Ну скажите, для этого мы ехали в степь, чтоб завести рабов и наживать на спине их деньги? Сказано в Писании: «В поте лица ешь хлеб», а мы вместо того завели торговлишку, обман. И вот ловим в эту петлю бедных киргизов и заставляем их отрабатывать взятое» [14, 71].

Носилов последовательно отрицает хищничество как по отношению к природе, так и по отношению к человеку. Для него подлинная вера несовместима с бессмысленным убийством любого живого существа. Так мальчик Зося, главный герой одноименного рассказа, сын богатого крестьянина и детский друг Кости, истово религиозен. Он поет на клиросе и озабочен тем чтобы не впасть в грех. Однако религиозность Зоси отнюдь не мешает его охотничьим увлечениям. Характерна последующая взрослая оценка писателя поступков детей: «Какие мы дикари ещё, в самом деле!» [8, 82-85].

Под пером писателя Бог и природа сливаются воедино. Не случайно, что в коротком рассказе «Инок», молодой монах-зырянин на Соловках обращается с призывом к своему собеседнику:

– Любите лес – закончил он, – в нем Бог! Лес – это храм для молитвы! [15, 67]. Здесь вполне допустим поиск культурных аналогий, но писатель Носилов в целом был далек от отвлеченных размышлений. В своих литературных произведениях он не только передает красоту природы, но и доказывает, что животные также способны чувствовать, переживать, страдать. Таковы носиловские рассказы «Наши «инженеры», «Пип», «Клуша», «Ворона», «Пуночки», «Яхурбет».

Рассказ «Волки. Из детских воспоминаний» производит особенно сильное впечатление. Его начало просто и эпично: «Совсем не стало волков в нашей стороне, как и многого другого зверя. Да и

где водиться нынче серому волку? Леса все повырублены и вывезены на дрова в город; болота, займища, где так любил прятаться и устраивать себе логово волк, уже все высушены» [8, 1]. Теперь крестьяне перестали бояться зорить волчье гнезда. Что же их сдерживало раньше? Многое, в том числе и страх, что потерявшая щенков волчица придет и будет выть под окнами избы охотника.

«Говорят, что это ужасное зрелище, – сообщает писатель – волчица худая, облезлая, голодная, думающая только о щенках, с жалким выражением глаз, которые то вспыхивают недобрым зеленым огоньком при виде человека, то покрываются слезами, неотступно преследует охотника. И случается, что даже черствый крестьянин и тот отступает перед её материнской любовью и уходит прочь от её логова, не вынеся её жалкого вида» [8, 30]. Воспоминания детства о волках, о том, как эти хищники зимой резали домашний скот, для Носилова оказываются только зачином, художественным способом донесения до читателя естественности и красоты природного мира. Писатель отнюдь не против охоты на опасных хищников, он боится другого – их полного истребления.

Такое восприятие природы во многом объединяло взгляды К.Д. Носилова с мировоззрением коренных народов Севера. «Первобытное сознание не ставит резкого водораздела не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой вообще. Силы природы еще не противопоставлены человеку, а находятся с ним в таинственной связи. Он принадлежит к ним, а они продолжают его» – замечал И.С. Кон [16, 125]. Для Носилова жизнь аборигенов Севера во многом была куда более естественна, чем у его цивилизованных и образованных современников. Будучи религиозным человеком, писатель считал, что близость к природе перевоплощается в близость к Богу.

В книге «На Новой Земле» исследователь, фиксируя мифические рассказы аборигенов о их встречах с Николаем

Святителем, случаи ясновидения и предсказаний будущего в их среде, делает поразительный вывод: «Кто знает, читатель, быть может, мы с вами, живя среди довольства, роскоши, родных, друзей, по самому содержанию нашей жизни, не можем читать тех заповедных страниц книги природы, которые открыты этим дикарям... Кто знает читатель, быть может, эта чистая душа дикаря и его детство привлекают к нему того, кто, кто всю жизнь приходил к погибающим и обремененным, и он приходит и теперь к тем, кто действительно предоставлен самому себе в этой суровой обстановке жизни, кто действительно способен верить и молиться... Как много мы еще не знаем в природе. Но это еще ничего: досадно то, что мы так уверены в себе, так слепы ко всему подобному... И мы будем всегда такими, потому что не имеем такой чистой души как этот дикарь, не умеем верить и молиться...» [17, 17-32].

Интересно, что для Носилова отсутствовало противопоставление между аборигенами с их наполовину языческими, наполовину христианскими представлениями и официальным православием. В обоих случаях подлинная вера означала для автора свободное присутствие на территории чудес. «Станный народ, странная жизнь, странные верования – размышлял Носилов о религиозных представлениях коренных жителей Конды – Но я думаю, что эта странность многое потеряет, если мы, отбросив свои предвзятые взгляды, просто заглянем глубже в нашу жизнь, взгляды в некоторые странные случаи из нашей жизни, в которых нельзя не найти чего-то такого, что уже знакомо тем детям природы, которых мы называем дикарями...» [18, 23].

Для внутреннего мира писателя чудеса были почти обыденны в экстремальной жизни на Новой Земле или в глухих таёжных дебрях Кондинского края. Но чудеса для него были вполне возможны и в стенах Долматовского духовного училища, где учился малолетний Костя Носилов. Жизнь воспитанников этого училища в середине

XIX в. была достаточно сурова. Мальчик, вырванный из родного дома, оказался далеко не в добром мире: «Нас били и наказывали, драли за каждую малость, и не проходило ни одного урока без подобных жертв, которые робко сами шли на кухню к старому солдату для сечения. В классах били нас учителя по чем ни попало, били по лицу, били по шее, таскали за волосы, как таскают пьяные подмастерья своих несчастных учеников» [9, 11] – так описывал годы своей детской учебы Носилов в рассказе, посвященном монаху Августину.

Именно схимник Августин сумел поддержать отчаявшегося мальчишку и показал ему образец подлинных человеческих чувств. Он смог нейтрализовать для своего подопечного, как угрозу унижительного сечения на кухне, так и повторное желание ученика сделаться бродягой. К келье старца многие верующие приходили за утешением и даже публичным покаянием. Существовало множество преданий о его святости, прозорливости, способности предсказывать людям их грядущее. Часть предсказаний старец передавал для бабушки будущего писателя, с которой был лично знаком [9, 15-19]. И так, перед впечатлительным мальчиком вновь возникли два мира: свободный мир природы, подвижничества, добра, уединения и несвободный мир, в котором царили человеческая жестокость, формальное обучение и официоз.

Стоит ли удивляться, что в последующем Носилов так и не закончил Пермской духовной семинарии, не получил высшего образования, хотя и слушал лекции в Парижской Сорбонне. Он выбрал свободу (передвижения, творчества, вида занятий) и одиночество. С одной стороны этого исследователя отличали широчайшая эрудиция, стремление к новому, а с другой – отсутствие подлинной научной системности, четкой специализации, а в ряде случаев и почти демонстративное отчуждение от социума. Здесь, несомненно, имеется прямое сходство принципов Носилова как с христианскими традициями (к Богу близки наивные, не испорченные люди и безгреш-

ные дети), так и с просветительскими идеалами, идущими от Руссо (близкие к природе благородные дикари, не испорченные цивилизацией).

Заметим, что данная позиция была достаточно распространена в российском обществе. По мнению американского исследователя Ю. Слэзкина, еще в первой половине XIX в. в глазах образованных русских, «Невинная Природа породила невинных детей, и вскоре сибирский литературный ландшафт оказался населен гордыми туземцами, которые, «бесстрашно бродили вокруг шаманских могил», не ставили ничего превыше свободы и наслаждались простыми радостями беззаботного кочевого существования» [19, 95]. К.Д. Носилов, как провинциальный писатель, также был вынужден придерживаться определенных литературных традиций. На литературном горизонте он не был звездой первой величины и в своем творчестве представлял для образованного читателя уже во многом привычные, узнаваемые туземные темы. Он писал о том, что импонировало ему лично и было благосклонно востребовано широкой читающей публикой.

Так, например, его освещение мира детства на примере разных этносов (русских, вогулов, самоедов, «киргизов») интриговало читателя и неплохо служило просветительским целям. Детские персонажи К.Д. Носилова («Сестра Оля», «Таня Логай», «Таня Богданова (Из уральской старины)», «Юдик», «Дедушка Савва и его внуки», «Галейко. Из жизни киргизов» и др.), всегда максимально симпатичны и практически лишены недостатков. При этом их индивидуальные качества во многом растворены в клишированных сентиментальных описаниях. Сложно сказать, какие причины преобладали в подобном выборе писателя: литературная конъюнктура, его подспудная тяга к детям и полноценной семейной жизни (Носилов очень поздно создал семью и обзавелся потомством), чувство подлинного гуманизма или сохраненная уже взрослым человеком свежесть собственных детских воспоминаний?

При создании детских образов, в первую очередь образов детей аборигенов, К.Д. Носилов с удовольствием демонстрирует запоминающиеся экзотические детали, непривычные для «обычного» юного русского читателя. Однако, автора подводит его мировоззренческая заданность. Исходя из лучших побуждений, читателю предлагается непременно любить (или как минимум – жалеть) этих литературных героев. Разумеется, что только на основании этих художественных творений невозможно полноценно изучать этнографию детства. В произведениях Носилова по отношению к туземным детям, как и к аборигенам вообще, во многом реализована привычная российская парадигма. Для их блага обязательно нужно немедленно что-то делать: проявлять эмоциональные чувства, распространять христианство, осуществлять просветительские проекты.

Симпатизируя миру традиционной культуры К.Д. Носилов отнюдь не идеализировал его. Он не избегал публичного обсуждения деликатных вопросов: распространения пьянства, антисанитарии, болезней, темных суеверий в среде аборигенов. В то же время он не снимал ответственности за бедствия коренных народов Севера с русского общества в целом, предпринимательских слоев и официальных властей [20]. Он многое сделал для того, чтобы застарелые проблемы не были скрыты за заговором молчания. По мнению писателя, назрела острая необходимость в радикальном изменении культуры и социальных отношений в аборигенной среде.

Трансформация культуры понималась им однозначно. Для Носилова – христианина были неприемлемы кровавые жертвоприношения; он не скрывал, что испытывал тяжелые чувства, наблюдая ритуальное умерщвление и поедание оленей. Интерес этнографа здесь вступал в противоречие с его мировоззрением, в котором осуждалось мучительное убийство животного [18, 36-43, 104-108]. Изучение народов Севера не было основной целью для К.Д. Носилова. Он надеялся на христианизацию абориге-

нов и фактически сам неоднократно выступал как миссионер. Чтение Евангелия, осуждение идолопоклонства, организация христианских праздников, поиск денежных средств и хлопоты по строительству храмов, многочисленные публикации в церковных изданиях – эти и иные его действия невозможно трактовать иначе как миссионерские. По мысли Носилова, христианизация «дикарей» должна была идти параллельно с распространением русской культуры, образованием и даже благотельной, по его мнению, русификацией.

Появление в творчестве К.Д. Носилова очерков «Вогульская школа», «Школа у остяков», «Самоедская школа» и «Киргизская школа» далеко не случайно. Исследователь постоянно пытался обнаружить в аборигенной среде те явления, которые бы свидетельствовали, по его мнению, о сдвигах к лучшему. Он оптимистично фиксировал разнообразные приметы ожидаемой им новой жизни, будь то знание русского языка, распространение фабричной одежды и самоваров в быту или случаи христианского усердия у народов Севера. Однако, будучи внимательным наблюдателем, Носилов отдавал себе отчет, что быстрые успехи на этом пути невозможны. «Вот уже двадцать лет как я их наблюдаю, а незаметно, чтобы этот народ перенимал русскую жизнь» [18, 278] – огорченно замечал он в очерке «Вогульская школа».

В разговоре с неким старичком, жителем Обдорска, Носилов защищал новообращённых аборигенов от нападок своего критичного собеседника. Позиция писателя в целом оптимистична: «что нам за дело до того, как выражают свою веру дикие люди; раз они выражают её – они уже веруют, раз веруют – они научатся после и поклоняться. Время сделает их истинными христианами, как нас с вами, потому что и наши предки, вероятно, имели не менее их суеверий» [21, 318]. Его ожидания, далеко не всегда были оправданы, и исследователь пытался обнаружить причины собственных неудач. Одна из них – наивные упования на цивилизующую роль «нормальной» торговли.

Очерк Носилова «Через десять лет» фактически явился публичной исповедью о совершенной лично им ошибке. Разработав маршрут от Северной Сосьвы к бассейну Печоры и пригласив, в противовес своекорыстному березовскому купечеству, крупнейшего и достаточно культурного сибирского предпринимателя А.М. Сибирякова для торговли с аборигенами, исследователь надеялся на улучшение жизни коренного населения. Этого, однако, не произошло. Развитие рынка спровоцировало рост потребностей, усилило обнищание и алкоголизм. «Ситец вместо своего холста из волокна крапивы, сукно вместо налимьей кожи, оленины, разнообразных шкур; сапоги, бродни вместо оленьих пимов и сапог из той же оленьей шкуры; чай, вино, белый хлеб, когда прежде они обходились почти вовсе без хлеба, употребляя мясо и рыбу, всё это потребовало от дикаря средств и средств» [18, 166] – вынужден был признать исследователь. Он даже задавался вопросом, о том, что, теперь, может быть, придется защищать «дикаря» от цивилизации.

К.Д. Носилов и далее не потерял оптимизма и продолжал сохранять позитивный настрой. Он не отказался от попыток привнести в северную глушь новые культурные нормы, но сместил свой интерес к освоению Ямала, в том числе – к прокладке через полуостров морского канала, сокращавшего путь из Сибири. Благодаря Ямальскому каналу планировалось подключение к международному рынку больших сибирских территорий [22, 323]. Уточним, что от этого переноса активности позиция исследователя не стала более взвешенной – идея канала оказалась далека от основательной проработки и, соответственно, так и не была реализована [1, 176-191]. Носилов по-прежнему надеялся на быстрое экономическое преобразование заброшенных северных пространств. Это была своеобразная вера в чудеса технического прогресса, характерная именно для рубежа двух веков.

Такая вера была далека от пассивной созерцательности. Её неопитами становились деятельные люди, не жалевшие личных усилий для блага общества. Чудесные ожидания от возможной реализации технических решений у них сочетались с неоправданными надеждами на скорое улучшение социальных отношений. Интересно, что подобные оптимистические ожидания были во многом спровоцированы общей социально-экономической отсталостью России от Западной Европы. Данное обстоятельство объективно порождало настоятельную потребность в модернизации страны. Вся Россия, особенно её периферийная часть, страдали от комплексов собственной неполноценности. Популярны, а то и откровенно недостоверные сведения о реализации технических проектов, намного опережали уровень развития техники и технической грамотности [23, 224-225].

Стремление к лучшему оборачивалось тягой к популярным знаниям, верой в благодетельность эксперимента вообще. В какой-то мере вся жизнь К.Д. Носилова стала своеобразным журналистским и писательским откликом на интеллектуальные запросы людей того времени, длительным социальным экспериментом, осуществленным на удаленных друг от друга географических пространствах. Он участвовал в экспедициях на Северный Урал и Ямал, путешествовал по юго-западной Сибири, Алтаю, Грузии, Казахстану, по прибрежным территориям Белого и Каспийского морей, Палестине, Египту, Турции, Греции, Манчжурии, Монголии. Он жил во Франции, посещал Норвегию и Швецию, трижды зимовал на Новой Земле.

По своим идеалам Носилов был отчасти близок к католическому святому Франциску Ассизскому, тому самому, что проповедовал перед цветами и птицами. Г.К. Честертон парадоксально резюмировал, что Франциск «не любил природу». По мнению английского мыслителя, этот святой «не видел леса из-за деревьев. Он и не хотел видеть леса. Он хотел видеть каждый дуб, каждый тополь, ибо тот сын Богу,

и потому – брат человеку. Франциск не желал стоять на условных подмостках, где нарисован на заднике лес; можно сказать, что он был слишком деятелен для действия. В его театре подмостки оживали, всё выходило на авансцену, все освещалось огнями рампы. Каждый предмет становился персонажем, действующим лицом. Вот почему как поэт он прямо противоположен пантеисту. Он не звал природу матерью: он звал братом *вот этого осла*, сестрой – *вот эту ласточку*» [24, 54-55].

Отличительными чертами личности Носилова также были нацеленность на положительные действия, гласное обсуждение значимых земных проблем. Его, бывало, подводили журналистская назойливость, стремление побыстрее донести до читателя свежую новость, еще неизвестную широкой публике. Извиняло эту торопливость одно обстоятельство: искреннее желание сделать как лучше. Носилов не стал академическим учёным и не пытался подняться до широких обобщений, он жил конкретикой добрых дел. Подобно своему католическому собрату наш российский исследователь предпочитал кабинетной научной отстраненности гордое одиночество полезного путешествия. Как подлинный миссионер, он не ограничивался смиренной монашеской безопасной кельей (благоустроенной дачей), но выходил из неё для спасения встреченных живых душ на широкие просторы природного мира.

К.Д. Носилов, весьма характерно, на бытовом уровне был технически подкованным человеком. Для него фотоаппарат, геодезические приборы, паровой катер, печатная машинка и даже недавно созданный диктофон были вполне привычными помощниками. Однако наличие под рукой полезных технических приспособлений отнюдь не делало нашего исследователя обладателем профессиональных инженерных знаний. Точно также, хорошее знание местности к Востоку от Уральских гор не превращало его в специалиста по региональной экономике или прокладке железных дорог. Между тем, азартный

К.Д. Носилов постоянно публиковался в периодической печати, консультировал те или иные проекты, горячо обсуждал вопросы, связанные со строительством железнодорожных магистралей в Зауралье. Общественное обсуждение этих вопросов тогда было настолько острым, что оппоненты нередко переходили на выяснение личных отношений.

Данное равнодушие и общественная активность в определенной мере роднили исследователя и со строителями нового мира, пришедшими к власти в 1917 г. Известно, что большевики привлекали маститого исследователя в последние годы его жизни к разработке ряда северных проектов. Однако, Носилов, в отличие от победивших революционных культуртрегеров, максимально ценил личную свободу и органически не принимал насилие. В 1907 г. с его подачи разразилась газетная полемика, отобразенная на страницах столичного «Нового времени» [25] и провинциальных «Пермских губернских ведомостей» [26]. Носилов обвинял земского врача из Шадринского уезда Любимова в смерти пациентки и в принадлежности к социал-демократам. Заметим, что определенные основания для подозрения врача в сочувствии к революционерам у Носилова были, хотя врачебный совет и поддержал Любимова [27, 14].

Носиловское стремление к свободе по сути было всеобъемлющим. Как только появились соответствующие материальные возможности, писатель предпочел жить не в городе и не на селе, а поближе к природе, особняком, на собственной даче. К.Д. Носилов, судя по сохранившейся не слишком большой переписке, ни с кем не поддерживал особо тесных контактов. Его связи с учеными, писателями, общественными деятелями в целом были благожелательными, корректными, но не более того. С близко живущими крестьянами он поддерживал добрососедские отношения. В случае острой нужды Носилов мог помочь – и помогал! – своим бедным соседям.

Но это была помощь не равного по по-

ложению своего брата соседа, а доброго, просвещенного, богатого и чудаковатого барина, ставящего себя много выше крестьян. По устным преданиям шадринцев, в годы Гражданской войны доброжелательные отношения не помешали крестьянам разграбить дачу Носилова и разбить её зеркальные стекла. Весьма характерны воспоминания Носиловского кучера Степана: «У него большой покос был. Сено косить – помощь. Кому охота и неохота – все шли. Вечером попойка. Раздерутся. Носилов говорит:

– Степан, пушчай дерутся, только без палок!

Сам выйдет на балкон, смотрит. Вот один другого огрел, тот и с ног долой. А Носилов говорит:

– Хорошо бьет, каналья!

Или пароход подымать. Мужики придут, веревками пароход подымут, а потом напьются – ноги кверху» [6, 11].

Официально Носилов никогда не был в браке. Одно из немногих его художественных произведений, посвященных социальной проблематике русского Зауралья, носит примечательный заголовок: «Как люди женятся. Рассказ из сибирских нравов». Сюжет его, наполненный этнографическими подробностями зауральского быта, достаточно прост. Купеческий сын вынужден жениться по недомыслию, чтобы своим отказом не обесчестить отца невесты [28]. Неизвестно, является ли автобиографическим еще один рассказ – «Вешний лед» – о краткой любви между путешественником и ветреной красавицей «дикаркой» с верховий Конды [29]. Куда большей достоверностью обладают сведения, полученные краеведами о прямых потомках К.Д. Носилова на реке Печоре. Из тех краев Носилов привез в Шадринск юную старообрядку Арину Лызалову. Различия в культуре и боязнь «греха» привели к тому, что беременная избранница Носилова предпочла вернуться на родину... [30].

Весьма жестко обрисовал матримониальное поведение писателя В.П. Бирюков: «Живя на своей даче «Находке» лишь пе-

риодами, путешественник довольствовался временными связями с женщинами, которые были у него на положении экономок, старшей прислуги. Не обошлось при этом и без драмы. Попала в такие временные жены одна любящая душа. Сколько помнится, фамилия её – Мальцева. Привязалась она к Константину Дмитриевичу всей душой, и когда он легкомысленно стал предпочитать другую, покончила самоубийством. Это случилось примерно в 1907 г.» [4, 452-454]. Известно, что за грехи молодости церковные власти Шадринска налагали на Носилова епитимью [1, 215].

Есть сведения, что Носилов предлагал свою руку сестре шадринского фотографа С.С. Мамаева Антонине, так и не рискнувшей выйти замуж за путешественника [6, 43]. Только не шестом десятке лет у писателя появилась постоянная привязанность, гражданская жена много моложе его, – Дарья Романовна. В 1917 г. у них родился первенец Виктор, затем дочь Юния. Неписанные нравы того времени были снисходительны к холостому человеку из «приличного общества». Его возможные связи с простолюдинками и заботы о внебрачных детях не предполагали обязательного церковного венчания. Несомненно,

что создание полноценной семьи, как и однозначное следование общепринятым нормам не были для К.Д. Носилова на первом месте.

Применительно к реалиям XXI в. героя этой публикации можно было бы назвать «фрилансером», своеобразным вольным стрелком, причем не только на профессиональной стезе – журналистике – но и много шире, по жизни. Путешествия и гонорары сводили к минимуму внешние дисциплинирующие практики и обеспечивали К.Д. Носилову материальную и определенную социальную свободу. Тот культурный ландшафт, который К.Д. Носилов осмысливал в своих произведениях, в котором он предпочитал жить и путешествовать, был выразителен и немногочислен. В предельном основании он сводился к природе, индивиду, дому и храму. Достойное существование свободного культурного человека здесь одухотворялась приобщением ко всему живому, приобретением знаний, полезной деятельностью и искренней религиозной верой. Именно эта целостная мировоззренческая система определяла биографию К.Д. Носилова.

Литература

1. Омельчук А.К. К. Носилов. Свердловск: Сред-Урал. Кн. изд-во, 1989. 240 с.
2. Государственный архив города Шадринска (далее – ГАШ). Ф. р-1070.
3. Донских К.Н. Константин Дмитриевич Носилов: биографический очерк // Исетский край. Сборник краеведческих статей. Шадринск: Долматовское общество краеведения, 1931. Вып. 2. – С. 79-114.
4. Бирюков В.П. Избранные труды. Шадринск: Исеть, 2008. 624 с.
5. Вехов Н.В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870 – 1910-е годы). Шадринск: Исеть, 2000. 71 с.
6. Осинцев Л.П. Носиловские дачи. Курган: Периодика, 1993. 104 с.
7. Охупкин Ю.Д. Зауральский странник: материалы к биографии К.Д. Носилова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 220 с.
8. Носилов К.Д. Золотое время. Очерки и рассказы. М.: Изд-во Д.И. Тихомирова, 1908. 140 с.
9. Носилов К.Д. Божьи люди. Рассказы. М.: Изд-во журнала «Юная Россия», 1915. 39 с.
10. Инфантьев П. Сибирские рассказы. М.: Изд.-е редакции журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок», 1909. 160 с.
11. Носилов К.Д. Горе-рыболов // Читальня народной школы. – 1911. – Вып. IV и V (апрель и май). – С. 1-26.
12. Носилов К.Д. На охоте. Очерки и рассказы. М.: Изд-во журнала «Юная Россия», 1911. 93 с.

13. Носилов К.Д. На диком Севере. Первый сборник рассказов. М.: Типолитография Русского общества. Изд-во Д.И. Тихомирова, 1908. 115 с.
14. Носилов К.Д. У дикарей. Рассказы. М: Тип. К.Л. Меньшова. Изд-во журнала «Юная Россия», 1915. 74 с.
15. Носилов К.Д. В лесах. Рассказы и очерки. М: Тип. К.Л. Меньшова. Изд-во журнала «Юная Россия», 1910. 70 с.
16. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
17. Носилов К.Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М: Изд.-е А.С. Суворина, 1903. 330 с.
18. Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
19. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
20. Носилов К.Д. В защиту обских инородцев // Восточное обозрение. – 1885. – № 13. – С. 8-9.
21. Носилов К.Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
22. Огрызко В.В. Североведы России: Материалы к биографическому словарю. М.: Литературная Россия, 2007. 560 с
23. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 276 с.
24. Честертон Г.К. Вечный Человек. М.: Политиздат, 1991. 544 с.
25. Носилов К. Земская больница // Новое время. – 1907. – № 13 (26).
26. Письмо в редакцию // Пермские губернские ведомости. – 1907. От 17 окт.
27. ГАШ. Ф. 429. Д. 2296.
28. Носилов К. Как люди женятся. Рассказ из сибирских нравов // Русская мысль. –1896. – Кн. VII. – С. 75-86.
29. Носилов К. Вешний лед // Шадринский гусь. – 1994. – № 2. – С. 5-7.
30. Липатова Л. Носилов Константин Дмитриевич. Писатель, путешественник, инициатор первой экспедиции на полуостров Ямал (1858–1923) // Электронный ресурс: Губкинская централизованная библиотечная система. URL: www.gcbs.ru/tum/issled_Sibiri/Nosilov.html. Дата обращения: 19.02. 2015 г.

References

1. Omel'chuk A.K. K. Nosilov. Sverdlovsk: Sred-Ural. Kn. izd-vo, 1989. 240 s.
2. Gosudarstvennyj arhiv goroda Shadrinska (dalee – GASH). F. r-1070.
3. Donskih K.N. Konstantin Dmitrievich Nosilov: biograficheskij ocherk // Isetskij kraj. Sbornik kraevedcheskih statej. Shadrinsk: Dolmatovskoe obshhestvo kraevedeniya, 1931. Vyp. 2. – S. 79-114.
4. Birjukov V.P. Izbrannye trudy. Shadrinsk: Iset', 2008. 624 s.
5. Vehov N.V. Konstantin Dmitrievich Nosilov i Sever (1870 – 1910-e gody). Shadrinsk: Iset', 2000. 71 s.
6. Osincev L.P. Nosilovskie dachi. Kurgan: Periodika, 1993. 104 s.
7. Ohapkin Ju.D. Zaural'skij strannik: materialy k biografii K.D. Nosilova. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2012. 220 s.
8. Nosilov K.D. Zolotoe vremja. Oчерki i rasskazy. М.: Изд-во Д.И. Тихомирова, 1908. 140 с.
9. Nosilov K.D. Bozh'i ljudi. Rasskazy. М.: Изд-во zhurnalа «Junaja Rossija», 1915. 39 s.
10. Infant'ev P. Sibirskie rasskazy. М.: Изд.-е redakcii zhurnalov «Junaja Rossija» i «Pedagogicheskij listok», 1909. 160 s.
11. Nosilov K.D. Gore-rybolov // Chital'nja narodnoj shkoly. – 1911. – Vyp. IV i V (aprel' i maj). – S. 1-26.
12. Nosilov K.D. Na ohote. Oчерki i rasskazy. М: Изд-во zhurnalа «Junaja Rossija», 1911. 93 s.
13. Nosilov K.D. Na dikom Severe. Pervyj sbornik rasskazov. М.: Tipolitografija Russkogo obshhestva. Изд-во Д.И. Тихомирова, 1908. 115 с.
14. Nosilov K.D. U dikarej. Rasskazy. М: Тип. К.Л. Мен'шова. Изд-во zhurnalа «Junaja Rossija», 1915. 74 s.

15. Nosilov K.D. V lesah. Rasskazy i ocherki. M: Tip. K.L. Men'shova. Izd-vo zhurnala «Junaja Rossija», 1910. 70 s.
16. Kon I.S. Otkrytie «Ja». M.: Politizdat, 1978. 367.s.
17. Nosilov K.D. Na Novoj Zemle. Ocherki i nabroski. M: Izd.-e A.S. Suvorina, 1903. 330 s.
18. Nosilov K.D. U vogulov: Ocherki i nabroski. Tjumen': SoftDizajn, 1997. 304 s.
19. Sljuzkin Ju. Arkticheskie zerkala: Rossija i malye narody Severa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 512 s.
20. Nosilov K.D. V zashhitu obskih inorodcev // Vostochnoe obozrenie. –1885. – № 13. – S. 8-9.
21. Nosilov K.D. Na Novoj Zemle. Ocherki i nabroski. Tjumen': SoftDizajn, 1997. 368 s.
22. Ogryzko V.V. Severovedy Rossii: Materialy k biograficheskomu slovarju. M.: Literaturnaja Rossija, 2007. 560 s
23. Ershov M.F. Sociokul'turnaja jevoljucija obrazov ochelovechennogo prostranstva: obshheteoreticheskie i konkretno-istoricheskie aspekty. Hanty-Mansijsk: OOO «Pечатnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2013. 276 s.
24. Chesterton G.K. Vechnyj Chelovek. M.: Politizdat, 1991. 544 s.
25. Nosilov K. Zemskaja bol'nica // Novoe vremja. – 1907. – № 13 (26).
26. Pis'mo v redakciju // Permskie gubernskie vedomosti. – 1907. Ot 17 okt.
27. GASH. F. 429. D. 2296.
28. Nosilov K. Kak ljudi zhenjatsja. Rasskaz iz sibirskih npravov // Russkaja mysl'. –1896. – Kn. VII. – S. 75-86.
29. Nosilov K. Veshnij led // Shadrinskij gus'. – 1994. – № 2. – S. 5-7.
30. Lipatova L. Nosilov Konstantin Dmitrievich. Pisatel', puteshestvennik, iniciator pervoj jekspedicii na poluostrov Jamal (1858–1923) // Jelektronnyj resurs: Gubkinskaja centralizovannaja bibliotechnaja sistema. URL: www.gcbs.ru/tum/issled_Sibiri/Nosilov.html. Data obrashhenija: 19.02. 2015 g.